В эти три года я всё время находился в студии Сяо Яньжаня.

Услышав это, Цзюнь вздрогнул, и бóльшая часть кипятка из чашки расплескалась на стол. Сам он, однако, казалось, даже не заметил этого, лишь в упор вглядывался в малейшие изменения на лице Шань Цзюяня.

Повисло молчание, после чего Шань Цзюянь как можно более непринуждённо произнёс:

— Он меня не помнит.

Цзюнь едва заметно расслабился, поднял чашку и сделал глоток.

— Видимо, маскировка затянулась слишком надолго. Он и Терновый Венец почти не помнит, к тому же помешан на своей фальшивой личности и ежедневно вдалбливает мне в голову концепцию хозяина и слуги.

Под прикрытием велась двойная игра: главной линией был проект по созданию модифицированных людей — саморазрушительный путь, где ради уничтожения тысячи врагов пришлось бы пожертвовать тысячью союзников, — а вспомогательная линия требовала присутствия инженера, который прикрывал бы тылы и не позволил бы Шань Цзюяню превратиться в бездумное орудие чужих интересов.

О боги, только Шань Цзюянь знал, в каком отчаянии он пребывал, когда пришёл в себя.

Едва с божьей помощью удалось обуздать это тело и прийти в сознание, как при первом же открывшемся взоре он увидел, что старый товарищ, с которым они должны были сражаться плечом к плечу, стоит по другую сторону баррикад.

К счастью, рискуя жизнью, он снова и снова испытывал Сяо Яньжаня, пока не убедился, что тот страдает амнезией, а не предал их, и лишь тогда смог немного успокоиться.

Ему совсем не улыбалось столкнуться со страшной задачей — собственноручно убить старого знакомого.

— Пфф… кхе-кхе.

Однако Цзюнь, судя по всему, думал иначе: он выплюнул всё, что только что успел сделать глотком, и его и без того измождённое лицо исказилось от ещё большего отчаяния.

— Да ведь психологическое внушение стёрло у него лишь воспоминания о тебе! С чего бы ему забывать и саму организацию?!

Его подозрения были очевидны без всяких слов. Заслышав это, Шань Цзюянь бросил томный взгляд из-под ресниц и тяжело рухнул на колени.

— Клянусь собственной жизнью, он не предатель.

К счастью, Цзюнь вовремя поддержал его. С болью в сердце глядя на подвергшееся модификации тело Шань Цзюяня, он странным тоном произнёс:

— Цзюянь, неужели ты к нему привязался? В конце концов, раньше он так за тобой ходил по пятам…

Шань Цзюянь ловко увёл разговор от сердечных дел и с безупречным видом предложил свой идеальный, несокрушимый план контрразведки:

— В таком состоянии от него тоже есть толк. Сейчас Вэнь Ци очень дорожит им, и я хочу разыграть спектакль с переманиванием на нашу сторону.

Цзюнь остался крайне недоволен и встревожен:

— Ты же прекрасно знаешь, что с характером Сяо Яньжаня переубедить его и заставить сменить взгляды за короткое время будет крайне сложно.

Шань Цзюянь слегка покачал головой и с необычайной твердостью заверил:

— Всё, что мне нужно сделать — это пробудить его воспоминания и вернуть Юй.

……

Утвердив план, Шань Цзюянь преодолел десяток шагов от кабинета вниз по лестнице к своей комнате, всю дорогу тяжело вздыхая и слушая, как скрипят половицы.

Сяо Жун воровато выскользнул из буфета, последовал за Шань Цзюянем и понизил голос:

— Глава, как прошла модификация? Это было очень больно?

В отличие от своего поведения перед Сяо Яньжанем, сейчас Шань Цзюянь ответил с лёгкой небрежностью:

— Нормально.

— Я тут читал старые рекламные материалы Механические часы, там говорилось, что это может увеличить предел человеческих физических возможностей. Вы и так были невероятно сильны, а после модификации разве не…

Шань Цзюянь бросил взгляд на донельзя любопытного Сяо Жун. Чтобы тот не увязался за ним в комнату, он прервал движение руки, тянувшейся к двери, скрестил руки на груди, прислонился к косяку и со вздохом произнёс:

— Говори прямо, в какую беду ты вляпался?

Сяо Жун смущённо почесал в затылке:

— Глава как всегда мудр и проницателен.

Десять минут спустя оба стояли возле небольшой таверны на окраине трущоб.

— Этот хозяин торгует палёным пойлом, да ещё принуждает девушек к блуду. Нанял четырёх-пяти головорезов и грозится избивать всех нас, членов Терновый Венец, кто суёт нос не в своё дело. Никто из наших не может с ними справиться…

— Понял.

Шань Цзюянь снял легко пачкающуюся белую куртку, неторопливо закатал рукава и перед входом мимоходом подхватил кусок стальной водопроводной трубы:

— Жди меня снаружи.

В этот момент данные слова звучали слаще любых нежностей.

На холодном ветру Сяо Жун, наконец-то дождавшийся, пока глава заступится за него, трогательно шмыгнул носом.

В организацию он вступил поздно, и о какой-то давней мальчишеской дружбе с Шань Цзюянем речи не шло, однако почти никто из новичков, пришедших в тот же период, не обладал боевыми навыками, и в заданиях, где требовалось прибегнуть к грубой силе, неизменно приходилось полагаться на Шань Цзюяня.

Практически каждый из членов организации, состоящих на службе по сей день, хоть раз да был спасен Шань Цзюянем в роли благородного героя.

Изнутри доносились смутные звуки стонов и воплей. Несколько девушек, прижимая руки к

груди и всхлипывая, выбежали наружу и, заметив его, поспешно заискивающе закивали в знак благодарности.

Проводив взглядом их торопливо удаляющиеся спины, Сяо Жун вновь мысленно восхитился: их глава — поистине божественная личность, у него, кажется, вообще не было никаких слабостей.

Не успел он об этом подумать, как с противоположной стороны улицы показался отрешенный молодой человек. Его лицо было скрыто защитной маской, и он без лишних слов направился прямиком к таверне.

Судя по хрупкой фигуре, в нём не было ни унции физической силы.

Побуждаемый добрыми намерениями, Сяо Жун окликнул его:

— Внутри идёт уборка, лучше приходи через пару дней.

Серо-коричневые глаза холодно и безжалостно полоснули по нему, и скрытая в этом взгляде леденящая жажда убийства пригвоздила парня к месту. Сяо Жун сглотнул подступивший к горлу ком и с тревогой наблюдал, как незнакомец приближается.

— Ты и тот, что внутри — кем друг другу приходитесь? — Низкий хриплый голос звучал так, словно вещал сам ангел смерти.

Лишь оказавшись ближе, Сяо Жун разглядел его облачение: чёрный длинный тренч, серый свитер с высоким воротником, а на груди красовался узкий именной значок из чистого золота.

Люди из Механические часы.

В голове у него гулко зазвенело. Инстинкты опередили сознание, и он завопил во всю моль:

— Брат Шань, беги!

Но сзади протянулись чьи-то руки и, опередив вестника смерти, зажали ему рот. Сяо Жун оказался подхвачен на весу рослым исследователем, внешне интеллигентным, но обладающим недюжинной силой, и его носки беспомощно зачертили по земле.

В тот самый миг, когда ему показалось, что пришёл его смертный час, из таверны вышел Шань Цзюянь.

— Мф! Мм-м… мф!

Сяо Жун поспешно взмолился о помощи, но тут же онемел, заметив у него на бедре пугающую рану, из которой фонтаном хлестала кровь.

Шань Цзюянь сначала посмотрел на Ло Чжии, стоявшего за спиной у Сяо Жун:

— Не ожидал, что ты так быстро меня выследишь.

— ...У тебя на теле маячок, — лаконично бросил Ло Чжии. Перехватив брыкающегося Сяо Жун из заложников под мышку и глядя на перепуганного до мягких коленей парня, он едко добавил: — Молодняк в вашей организации совершенно не держит удар.

Пока они переговаривались, Сяо Яньжань молча поджал губы, не произнося ни слова. Его взгляд был прикован к луже крови под ногами Шань Цзюяня, которая ширилась с каждой секундой.

— Впрочем, если преследователем был ты — это даже неплохо.

Закончив фразу, Шань Цзюянь жалобно усмехнулся. Ослабевшие ноги больше не держали его, и он попросту осел прямо на ступени крыльца.

Сяо Яньжань тут же бросился к нему, грубо разорвал мешавшую ткань брюк и на глазах у остолбеневшего Сяо Жун двумя пальцами полез прямо в рану, нашапывая что-то круговыми движениями.

— Больно же, — уткнувшись ему в плечо, слабо протянул Шань Цзюянь. — Нельзя ли помягче?

Видя, как тот мучается от боли, Сяо Яньжань наконец нарушил молчание, произнеся свои первые слова за весь вечер:

— Заткнись.

Извлёкши осколок, который разрезал артерию и застрял глубоко в плоти, Сяо Яньжань оторвал длинный лоскут от полы своего плаща и с силой затянул тугую повязку. Меж его бровей залегла складка, словно скованная нетающим льдом.

— Всё в порядке, — улыбнулся Шань Цзюянь. — Я же робот.

Сяо Яньжань выпрямился, свысока оглядывая человека, который всё еще силился улыбаться ему в ответ, а затем без малейших колебаний отвесил ему пощёчину.

Получив удар, Шань Цзюянь слегка скривился, его голова качнулась, а в уголках губ

выступила капелька крови. Он с трудом разлепил губы, пытаясь что-то сказать, но чужая рука грубо вжала его подбородок, заставляя задрать голову вверх.

Этот поцелуй грянул совершенно внезапно.

Кончик языка протолкнул внутрь горькую пилюлю, и Сяо Яньжань, крепко сжав его за горло, принудил проглотить лекарство.

— …Что это? — Шань Цзюянь облизнул губы, точно сытая крупная собака.

Сяо Яньжань холодно усмехнулся:

— Яд, который отправит тебя на тот свет.

Они вовсю предавались нежностям, ничуть не смущаясь присутствия посторонних. Ло Чжии, завсегдатай подобных сцен, давно привык и сохранял полное спокойствие, а вот Сяо Жун с каждой секундой пугался всё сильнее, и лицо его побелело от ужаса.

Тот самый профиль, что на мгновение промелькнул во время поцелуя — как ни посмотри, казался до боли знакомым.

Когда-то в организации существовала фигура, чьё имя наводило ужас на всех без исключения.

Этот человек был верным помощником главы Шаня, носившем кодовое имя Юй, однако во всей организации лишь один Шань Цзюянь осмеливался звать его Сяо Юй.

В ответ Юй хранил ему абсолютную, слепую верность: бог встанет на пути — сокрушит бога, демон преградит дорогу — уничтожит демона. Любой, кто осмеливался подойти к Шань Цзюяню слишком близко, автоматически подвергался словесным унижениям или жестоким избиениям.

Злые языки даже шутили, что он — личный паж Шань Цзюяня, готовый ублажать хозяина как в бою, так и в постели.

Но эта преданность не продлилась вечно.

Накануне тайного внедрения Шань Цзюяня в НИИ Цзюнь объявил Юй предателем и приговорил к тайной казни.

Ходили слухи, что в последний путь человека отправил лично сам глава, иначе тот ни за что не подчинился бы приказу и не пошёл на смерть столь покорно.

И вот этот человек… как две капли воды похож на того давно погибшего ангела смерти!

От автора:

Некоторые читатели жаловались, что в этой главе информация подана не слишком чётко, поэтому я переписал её во второй раз ^-^

Если у вас возникнут вопросы во время чтения, пожалуйста, пишите комментарии — эта глупенькая М постарается всё исправить!

Глава 10. План контрразведки (2)

У Сяо Яньжаня было лицо, которое трудно забыть.

В списках награждённых лучших сотрудников взгляды всех неизменно приковывались к одной-единственной фотографии на документы: красивый и выдающийся, он был кумиром и предметом тайных воздыханий для каждого.

Сам он считал, что нисколько не преувеличивает.

Само собой разумеется, и Шань Цзюянь, проведший рядом с ним целых три года, должен был, подобно остальным, пасть жертвой его чар.

Лучи закатного солнца падали на самые ступени, покрывая лёгким золотистым напылением ещё не остывшую лужу крови. Сяо Яньжань смотрел сверху вниз на сбежавшего подозреваемого в преступлении, и его сердце вновь начинало учащённо биться помимо воли.

Сдаваться без боя желал он один, оттого и жажда покорить этого человека разгоралась с новой силой.

— Ты не произносишь предсмертных слов, неужели всё ещё надеешься умолить меня, своего хозяина? — он изогнул брови, вновь и вновь называя заживляющее средство смертельным ядом в попытке запугать беглеца.

Жаль только, что Шань Цзюянь, то ли потеряв слишком много крови, то ли уже смирившись со смертью, ответил лишь едва заметной улыбкой.

— Говорить больше не о чем. — Он протянул руки, жестом приглашая в объятия, и неторопливо произнёс: — Целуешься неплохо. Не повторим?

…И перед лицом смерти он всё ещё продолжает дразнить его!

Перед глазами вновь встала сцена того искусственного дыхания, обожженного искрами электрической дуги: Шань Цзюянь водил его за нос от начала и до конца, и теперь имеет наглость называть это поцелуем?

Волна безымянного гнева захлестнула Сяо Яньжаня. Поддавшись упрямому желанию взять верх, он резко подался вперёд, и его зубы больно ударились о верхнюю губу Шань Цзюяня. Мгновенно от носа до самого рта распространился солоноватый привкус крови.

В противовес его вспыльчивости Шань Цзюянь казался невероятно снисходительным.

Он позволял чужому языку бесцеремонно вторгнуться в рот, хозяйски пройтись по зубам, и даже блаженно прикрыл глаза, а его ресницы едва заметно дрожали, словно под натиском переполнявшего восторга он из последних сил старался удержать маску безупречного малого.

http://bllate.org/book/25755/3079607